
АРМЕН ГАСПАРЯН

НКВД И СМЕРШ:
ЛЕГЕНДЫ
И ФАКТЫ

.....

16 МИФОВ
О РЕЙХЕ

.....

ДИВИЗИИ СС:
КРОВАВЫЙ
ПУТЬ

1941-1945 ОБОЛГАННАЯ ВОЙНА

Книги Армена Гаспаряна

Армен Гаспарян
1941-1945. Оболганная война

«Питер»

2018

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

Гаспарян А. С.

1941-1945. Оболганная война / А. С. Гаспарян — «Питер»,
2018 — (Книги Армена Гаспаряна)

ISBN 978-5-4461-0493-2

О Второй мировой войне сказаны, написаны, сняты уже терабайты информации, однако знаем ли мы правду об этой трагической странице нашей истории? В последнее время стало модным лить воду на мельницу всевозможных мифов, а читателям все сложнее разобраться, что же было на самом деле. Известный историк А. Гаспарян, опираясь только на проверенные факты, раскрывает перед читателями подлинную картину событий прошлого:

- Стал ли пакт Молотова – Риббентропа причиной начала войны.
- Правда ли что наша армия не желала воевать за Сталина?
- Почему советско-финскую войну называют «забытой».
- Что представляла собой нацистская пропаганда.
- Какие потери на самом деле понесла наша страна.
- Кто такие оловцы и как сложилась судьба военнопленных после войны.

УДК 355.48
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-4461-0493-2

© Гаспарян А. С., 2018
© Питер, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Начало Второй мировой войны	8
Глава 2. Предвоенные планы СССР	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Армен Гаспарян

1941–1945. Оболганная война

Посвящается К. И.

© ООО Издательство «Питер», 2018

© Серия «Книги Армена Гаспаряна», 2018

Предисловие

С момента окончания Великой Отечественной войны прошли десятилетия. Казалось бы, вполне достаточный срок для того, чтобы ответить на все многочисленные вопросы, поставленные этой самой страшной мировой трагедией XX века. Многие факты внешней и внутренней политики СССР, Третьего рейха, стран Европы досконально изучены историками. Но, к огромному сожалению, необходимые уроки вынесены не всеми, а глубокого осмысления того, что происходило в предвоенные и военные годы, так и не произошло.

Советская пропаганда рисовала прекрасную картину, которая крайне мало соответствовала реальным событиям 1941–1945 годов, не говоря уже про 1939–1940 годы. Научные работы западных историков издавались у нас весьма выборочно. Зачастую из них исключались фрагменты, критически важные для понимания того или иного явления.

В эпоху 1990-х великое множество откровенных фальсификаторов истории создали новую модель Второй мировой войны. И она оказалась чудовищной для восприятия подавляющего большинства наших соотечественников.

В массовом сознании возник целый ряд никогда не звучавших ранее вопросов. Почему великая страна, которая знала о приближающейся войне, оказалась к ней настолько не готова? Ведь получается, что никто из советских граждан даже не догадывался о том, каково было техническое оснащение – реальное количество и качество вооружений, которыми располагала Красная армия. Конечно же, простому народу не была известна ситуация, сложившаяся с кадрами, в первую очередь руководящими, в РККА. О спецслужбах в этом контексте и говорить не приходится. Общество не знало, чем занимались накануне и в годы войны войска НКВД, равно как и органы армейской контрразведки. У него не было информации о том, что представляла собой в реальности нацистская пропаганда, кто такие оловцы и как сложилась судьба советских военнопленных.

Отвечать на все эти вопросы было попросту некому. Старое поколение деятелей советского агитпропа в 1990-е годы было уже в лучшем случае давно на пенсии. Новой же исторической школы, которая могла бы предложить внятные объяснения тех сложнейших процессов, вообще не существовало. Определенный прорыв с этой точки зрения произошел ближе к 2009 году, когда стали выходить действительно серьезные работы молодого поколения российских историков.

Примерно в это же время появилась моя программа на радио, посвященная историческим событиям XX века и получившая название «Теория заблуждений». В ее рамках я старался давать ответы на самые актуальные и злободневные вопросы, стремясь найти объяснения тому, почему одни факты на протяжении десятилетий искажались, другие – гиперболизировались и выпячивались, а третьи, напротив, тщательно скрывались, замалчивались или отодвигались на задний план. Львиная доля времени программы в той или иной степени отводилась на освещение истории Второй мировой войны. Несложно догадаться, что меня интересовали не только роковые события июня 1941 года. Вместе с гостями передачи мы подробнейшим образом разбирали процессы, происходившие в СССР и на мировой арене в 1920–1930-х годах. Я старался разговаривать со своей аудиторией максимально простым и понятным языком, чтобы обсуждаемая информация не подвергалась дальнейшей двусмысленной трансформации, что мы, к сожалению, наблюдаем в медиасфере довольно часто. Ведь в результате на выходе получается совершенно искаженная картина.

В программе принимал участие целый ряд современных российских историков – замечательных специалистов, досконально изучивших обсуждавшиеся темы: Константин Залесский, Олег Гончаренко, Константин Семенов, Дмитрий Жуков, Иван Ковтун и многие другие.

Разумеется, перед нами не стояла глобальная сверхзадача донести до каждого отдельного человека какую-то единственно верную историческую правду о том, что происходило в нашей стране. Никаких иллюзий на этот счет я, конечно, не питал. Но, говоря словами генерала Михаила Василевича Алексеева, нам нужно было «зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы». Нашей целью было *начать* давать ответы на все эти многочисленные вопросы. Ведь иначе вырисовывалась парадоксальная картина: российское государство и общество молча проглатывали весь тот вздор и нелепости, сгенерированные средствами массовой информации, явно аффилированными с Западом и нашими так называемыми либеральными мыслителями. И это могло стать абсолютной катастрофой.

Я рад и чрезвычайно горд тем, что программа «Теория заблуждений» состоялась и выходит до сих пор. Она имеет огромное число преданных поклонников, с интересом ожидающих каждый новый выпуск. Мне приятно, что у этой передачи появились последователи. Теперь мы с удовлетворением можем констатировать, что со стороны государства и общества в этом плане ведется поистине серьезная работа. А значит, все, что делалось в рамках «Теории заблуждений», было не напрасно. И для меня это первый принципиально важный момент.

Второй заключается в том, что мне всегда хотелось, чтобы наши усилия, предпринимаемые в формате радио или интернет-телевидения, находили отклик в сердцах равнодушных людей, которые, как показала практика, есть не только в России и на территории всего постсоветского пространства, но и в странах Европы и США. Вообще, география аудитории передачи меня поражала всегда: мы получали письма и отклики буквально со всех концов света.

Впервые сборник материалов программы «Теория заблуждений» под названием «Неизвестные страницы Великой Отечественной войны» вышел в 2012 году. Как всегда в таких случаях, тираж издания был невелик. Оно практически неизвестно широкой аудитории и к настоящему моменту уже стало библиографической редкостью.

Поэтому я хотел бы выразить искреннюю признательность издательскому дому «Питер» за неподдельный интерес к вопросам российской истории и готовность выпустить в рамках серии моих книг новый сборник неизданных материалов передачи «Теория заблуждений».

Сейчас эта книга перед вами. Для меня она имеет необычайную важность. Как говорится, нет ничего хуже незаконченных дел. Теперь, по сути, досадное упущение исправлено, и программа «Теория заблуждений» действительно состоялась и в книжном варианте. Надеюсь, она найдет своего заинтересованного читателя, а тот формат, в котором она выполнена, только упростит восприятие исторических реалий.

И самое главное. Если эта книга поможет кому-то по-новому взглянуть на страшные события лета 1941 года, осмыслить происходившие тогда сложнейшие процессы, получить ответы на вопросы, которые волновали людей долгие годы, я буду считать свою задачу выполненной.

Мне хочется верить, что вслед за этой книгой появится ее продолжение. Ведь белых пятен в истории по-прежнему остается великое множество. И рано или поздно на все неизученные вопросы мы обязаны дать взвешенные и обоснованные ответы, которые будут базироваться прежде всего на анализе неизвестных ранее архивных документов.

Я благодарен всем читателям моего блога в «Твиттере», которые помогли отобрать для этого сборника ключевые вопросы, обсуждавшиеся в выпусках программы. Отдельное спасибо всему коллективу настоящих энтузиастов, работавших над созданием передачи «Теория заблуждений»: режиссерам, видеооператорам, продюсерам и особенно нашим гостям, без которых этого проекта в том виде, в каком он состоялся, никогда бы не было.

С уважением, Армен Гаспарян

Глава 1. Начало Второй мировой войны

Многие историки и политики считают Договор о ненападении между СССР и Германией, более известный как пакт Молотова – Риббентропа, прелюдией к началу Второй мировой войны. И все же правильнее будет говорить о том, что основной предпосылкой самой страшной войны в истории человечества стал не сам факт подписания этого документа в августе 1939 года, а весь сложный и полный противоречий ход международных отношений. Заключение исторического пакта – это лишь верхушка айсберга. До сих пор мало кто имеет представление о непростых и запутанных процессах в международной, в частности европейской, политике, которые происходили с марта по сентябрь того самого года.

На мировой, прежде всего европейской, арене схлестнулись интересы трех весьма серьезных игроков. Во-первых, Запада в лице так называемых западных демократий – Англии и Франции, стремившихся сохранить то, что осталось от Версальской системы международных отношений, заложенной по итогам Первой мировой войны, где им отводилась ведущая роль. Во-вторых, это нацистская Германия, вся политика которой в то время была направлена на эскалацию военного конфликта в Европе, что абсолютно не скрывалось ее лидером Адольфом Гитлером. Третьим же – новым – игроком стал Советский Союз. Причем вопреки распространенному мнению о слабости позиции СССР на мировой арене был игроком активным и исключительно важным, ведь от его действий зависело очень многое как для первой, так и для второй из сторон.

И советское руководство, преследуя собственные внешнеполитические интересы, несомненно, начало свою большую игру.

В апреле 1939 года пока еще занимавший пост наркома иностранных дел М. М. Литвинов официально озвучил предложение советского правительства заключить с Англией и Францией трехсторонний пакт о взаимопомощи и одновременно подписать военную конвенцию. Фактически это было предложение об объединении. Однако последовавшая затем отставка Литвинова и назначение наркомом иностранных дел В. М. Молотова стали важными шагами руководства СССР с целью активизировать собственную игру. Такая перестановка в советском правительстве была связана с тем, что Литвинов, который был убежденным англофилом, абсолютно не подходил для каких-либо дипломатических заигрываний с немцами.

Советский Союз, никогда не скрывавший своего, мягко говоря, критического отношения к нацистской Германии, не испытывал никаких теплых чувств и к империалистическим, как их тогда называли, Англии и Франции. А белопанская Польша, находившаяся в авангарде западного империализма и считавшаяся его ударной силой, вообще была для СССР в тот момент врагом номер один. Вспомним, например, знаменитый план «Прометей» и то, чем были пронизаны выступления маршала М. Н. Тухачевского.

И естественно, советское руководство постаралось воспользоваться противоречиями между двумя блоками своих врагов.

По мнению российского историка, автора многочисленных работ по истории Второй мировой войны К. А. Залесского, то самое предложение со стороны Советского Союза встать на сторону Англии и Франции было сделано отнюдь не в рамках борьбы за сохранение международной безопасности, а преследовало вполне определенную цель – получить за это совершенно конкретную компенсацию, а именно «принятие термина “косвенной агрессии”¹ в трак-

¹ Термин «косвенная агрессия» был взят из текста английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехословакией, а СССР расширил это понятие. По определению В. М. Молотова, косвенная агрессия – это ситуация, при которой государство-«жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон».

товке Сталина, которая подразумевала под собой свободу рук Советского Союза в Прибалтике, то есть фактически распространение на Прибалтику зоны влияния Советского Союза с последующим либо вводом войск, либо инспирированием прихода к власти коммунистических кругов и присоединением к СССР». Следующее требование: в случае военных действий предоставление соответствующих «коридоров», иными словами – обеспечение свободного прохода войск через Польшу и Румынию.

Конечно же, такие условия были выдвинуты несколько завуалированно, дипломатическими методами. Однако они были абсолютно ясны англичанам и не составляли для них никакой тайны. Лорд Галифакс на заседании кабинета министров, где обсуждались предложения СССР, прямо заявил: «Поощряя Россию в вопросе вмешательства в дела других стран, мы можем нанести не поддающийся исчислению ущерб своим интересам как дома, так и по всему миру», подразумевая, что такие формулировки дают России неоправданно широкие права.

Ведь что следует за тем, когда советские войска вступают на чью-то территорию с дружественными целями? Можно предположить с большой долей вероятности. То есть дальше будет, соответственно, присоединение той части Польши, которую в конце концов мы и получили, и наверняка присоединение Бессарабии.

Абсолютно четко понимая это, англичане пришли к выводу, что они не готовы заплатить такую цену за союз с Советами.

Франция же, как выяснилось позже, рассматривала для себя возможность пожертвовать и Польшей, и Прибалтикой. Ведь дело зашло уже так далеко, что речь шла не об абстрактной международной безопасности, а о ее собственной. Но британская сторона упорствовала, и все закончилось фактически срывом переговоров.

Примечательным фактом стала состоявшаяся в это же время первая встреча советского полномочного представителя в Берлине, который находился в стране уже полгода, со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Э. Вайцзеккером. Можно сказать, что этот визит прошел в рамках зондажа политической почвы на фоне крайне натянутых дипломатических отношений двух стран, сопровождавшихся соответствующими пропагандистскими кампаниями. Состоялся разговор на второстепенные темы, в ходе которого, однако, прозвучало утверждение о том, что между Германией и Советским Союзом нет серьезных противоречий, а идеологические разногласия не должны мешать двум странам. И этот посыл был понят немцами.

Вообще, переговоры с Германией были довольно трудными, поскольку для Гитлера подписание пакта с СССР нарушало все установки нацистской партии и было сродни заключению сделки с дьяволом. Но в конце концов он пришел к выводу – во многом благодаря Риббентропу, – что подобный договор все же возможен.

Англия и Франция, стремясь оставить ситуацию в подвешенном состоянии, взяли курс на затягивание переговоров. В данном случае они рассчитывали на то, что неясность позиции Советского Союза будет играть сдерживающую роль в отношении нацистской Германии. Иными словами, они надеялись, что сама гипотетическая возможность вмешательства СССР в конфликт удержит немцев от начала военных действий, что, конечно же, не соответствовало действительности. То есть Гитлера бы это однозначно не остановило.

Когда Советский Союз понял, что не получит той компенсации, на которую рассчитывал, взоры Сталина обратились на Берлин. Хотя для СССР это означало заключение ровно того же пакта с дьяволом, что и для Германии, и вышеупомянутая компенсация от Англии и Франции была для него гораздо выгоднее с точки зрения международной легитимности.

Никто не тешил себя иллюзиями в отношении миротворческой позиции Гитлера. И когда дело дошло до предметных переговоров с Германией, территории, интересовавшие Советский Союз, были вполне конкретно обозначены. Гитлер не относился к тем лидерам, которых сильно заботила судьба других стран и выполнение договоренностей. Он не рассматривал этот дого-

вор как обязательный для исполнения. Напомню, что подобные соглашения были подписаны Германией со странами Балтии и Польшей. И это его впоследствии совершенно не смущало. Таким образом, он абсолютно спокойно пошел навстречу Сталину. И Советский Союз сыграл в свою игру, конечно, одновременно выгодную и для Германии. Но сыграл он в нее четко, цинично, рационально, получив в результате желаемое.

До сих пор бытует миф о том, как после подписания пакта Молотова – Риббентропа Сталин торжественно заявил, что ему удалось обмануть Гитлера. Правда это или вымысел – неясно. Но если принимать во внимание исторические факты, то Сталин лишь получил то, что соответствовало цене, назначенной за определенную услугу – выполнение конкретных обязательств. Причем цена эта полностью Германию устраивала. Говорят, что именно пакт якобы открыл Гитлеру дорогу ко Второй мировой войне, однако не вызывает сомнений, что Германия ввязалась бы в войну и при отсутствии Договора о ненападении.

Здесь следует сделать оговорку о роли стран Балтии. Как бы там ни было, но из-за отсутствия собственной истории государственности определенный комплекс у стран-лимитрофов² существовал всегда. В этом случае историю нужно было создавать. Каким образом? Объявив Советский Союз оккупантом. Не желая замечать того, что решение о присоединении к Советскому Союзу было принято законно избранным парламентом и признано демократическими странами: США, Англией и Францией. Не учитывая того, что с СССР, в состав которого входили страны Балтии, в последующем заключались международные договоры, то есть законность вхождения Балтийских республик в Советский Союз не подвергалась сомнению. Причем речь здесь идет о свободном волеизъявлении на выборах, то есть о добровольном вхождении, а не захвате.

Многие наверняка зададутся вопросом: «Ну, хорошо, выборы прошли законно, вхождение было добровольным, но зачем потребовались тайные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа? Это неспроста!»

Что же было в этих секретных протоколах? Текст самого договора (пакта Молотова – Риббентропа) был опубликован и в советских, и в германских, а затем и в других европейских газетах. В секретном протоколе устанавливались, можно сказать, зоны влияния Германии и Советского Союза. Вообще, о подобных соглашениях никто не информирует правительства зарубежных стран: все-таки это секретная договоренность. Протокол, естественно, существовал, и в этом нет ничего удивительного. То, что Сталин хотел получить Прибалтику, Западную Польшу, Западную Белоруссию и Бессарабию, не секрет.

Но заключение пакта само по себе не могло повлечь начало военных действий. Ведь война требует масштабной подготовки. А вот кадровые перестановки в армии – назначение генералов на командные посты, усиление штабов, переформирование их в полевые штабы и т. д. – как раз говорят о военных планах. И 26 августа 1939 года такое назначение германских военачальников произошло.

Таким образом, справедливо мнение К. А. Залесского, что факт заключения пакта Молотова – Риббентропа в принципе никак не сказался на начале войны. То есть Гитлер начал бы ее в любом случае. Причем с нападения на Польшу.

Однако реакция Великобритании и Франции стала неожиданностью для Гитлера, ведь Риббентроп уверял его, что эти страны войну не объявят. На это указывал и так называемый «синдром потерь», который испытывала Европа после окончания Первой мировой войны. Европейцев пугали возможные новые многомиллионные жертвы. Особенно ярко это проявилось во французском обществе, моральное состояние которого показывало, что Франция не готова нести такие же потери, как в Первой мировой войне, а значит, не готова и к широко-масштабным военным действиям.

² То есть государств, образовывавшихся после 1917 года на территории, входившей в состав Российской империи.

Конечно, для Англии это было характерно в меньшей степени, поскольку, во-первых, Первая мировая не шла на ее территориях, а во-вторых, потери англичан были не такими значительными. К тому же Британская империя всегда могла привлекать к военным действиям, например, австралийцев, новозеландцев, южноафриканцев, индийцев, то есть жителей своих доминионов.

Поэтому Англия на переговорах занимала более твердую позицию, Франция же была готова даже пойти навстречу Советскому Союзу.

Принимая все это во внимание, Риббентроп утверждал, что ради Польши англичане и французы не пойдут на открытие военных действий. Это стало его ошибкой, а фактически провалом нацистской дипломатии. И это потрясло Гитлера, доверявшего своему министру иностранных дел, в том числе при принятии серьезных решений. Получается, что знаменитая политическая интуиция Гитлера в этот момент дремала.

Тем не менее, объявив войну, Англия и Франция не развернули широкомасштабных военных действий. Неслучайно у поляков эта война получила определение «странная».

Итак, Гитлер, хорошо знавший положение дел в своей армии, действительно был потрясен тем, что Англия и Франция вступили в войну. Значит, от них можно было ожидать наступления на Западный вал, который, конечно, не был таким неприступным, каким его представляла немецкая пропаганда. Мало того, группа армий «С», занимавшая оборону на западных границах, состояла по большей части из дивизий, только что сформированных из мобилизованных лиц, а не кадровых военных. Историк К. А. Залесский обращает внимание на то, что высшие командные посты в ней заняли прежде всего генералы, призванные в срочном порядке на службу из отставки.

Все эти аспекты лишь подтверждают тот факт, что для Германии это был второстепенный фронт. И, скорее всего, группа армий «С» не выдержала бы массированного удара. Именно поэтому намерения англичан и французов произвели такое впечатление на Гитлера. Но они остались лишь политической декларацией. И фюрер получил возможность не только успешно закончить войну с Польшей, но и подготовиться к кампании на Западе, к которой изначально планировал приступить в конце 1939 года.

Как известно, к войне никогда нельзя быть готовым на сто процентов. И утверждения о том, что Советский Союз пошел на подписание пакта по причине неготовности к военным действиям, выглядят совершенно надуманными.

Таковыми же надуманными являются обвинения СССР в бездействии при получении Германией Судетской области, населенной преимущественно немцами, в соответствии с Мюнхенскими соглашениями, что вообще было детищем Версальского договора, который Советский Союз не подписывал. Здесь как раз точно отражают суть явлений ленинские слова о том, что это мина замедленного действия, подложенная под всю Европу.

Версальский договор стал кошмарным произведением дипломатии Англии и Франции, которые почему-то решили, что с помощью какой-то бумаги смогут руководить всей Европой, а следовательно – миром.

Как точно выразился К. А. Залесский, «если бы можно было на одну чашу весов положить пакт Молотова – Риббентропа, а на другую – Версальский договор, чтобы решить, что из них сыграло большую роль в том, что 1 сентября Германия напала на Польшу, то со значительным перевесом победил бы Версаль».

И Гитлер этого никогда не отрицал. Еще в *«Майн кампф»* он сказал, что его главная задача – ликвидировать последствия Версаля. И он пришел к власти под этим лозунгом. Но, откровенно говоря, я бы назвал это национальным унижением.

Вспомним хотя бы о послевоенных попытках Австрии и Германии создать единое немецкое государство. Прежде всего Франция категорически запретила это слияние, не позволив двум странам создать ни таможенный союз, ни объединенную почтовую службу. И это во мно-

гом поспособствовало тому, что к власти в Австрии пришел Дольфус, а затем Шушниг, и австрийский режим 1930-х годов никак нельзя назвать демократическим.

Но вернемся к событиям в Польше. Провокация на границе преследовала пропагандистские цели и, конечно, послужила предлогом для начала боевых действий.

На самом деле Глейвиц был не один. Было предусмотрено проведение еще двух провокаций. Например, в местечке Хохлинден в Силезии, где переодетые в поляков немцы должны были разгромить таможенный пост. Тогда на следующий день Гитлер, выступая по радио, а Геббельс, готовя заголовки газет, объявили бы, что поляки нападают на германскую территорию и убивают людей.

Тем более что ничего экстраординарного в нападениях поляков на эту территорию не было, так как она находилась в эпицентре непрекращающегося германо-польского конфликта. И факты притеснения немецкого населения на территории Польши абсолютно реальны (вплоть до погромов и убийств). Что опять отсылает нас все к тому же Версалию.

Хотя польские историки старательно избегают упоминаний о подобных случаях, поддерживая миф о вероломном нападении Германии на «несчастную» Польшу безо всяких на то причин.

Вообще же политика, проводимая польским правительством, в частности министром иностранных дел Юзефом Бекем и главнокомандующим Войском Польским Эдвардом Рыдз-Смиглым, была фактически направлена на провоцирование начала военных действий.

Здесь нужно сделать отступление и опять вспомнить об отсутствии в этой стране государственности до февраля 1917 года. Примечательно, что сегодня именно поляки больше, чем кто бы то ни был, мифологизируют свою историю. Ведь на самом деле подавляющая часть современной Польши в XVIII веке была не в составе России, а в составе Германии. То есть Польше следует адресовать свои претензии именно Берлину. В представлении же поляков получается, что существовало лишь Царство Польское. Но на самом деле Краков вместе со всей Галицией и Львовом был в составе Австро-Венгрии.

Итак, мы можем сделать вывод, что две страны были настроены на ведение боевых действий. Причем поляки даже были готовы напасть первыми. Такие планы у Польши действительно имелись примерно с 1920 года. И поляки даже просили разрешения нанести удар у стран Антанты. Тем более что стотысячный рейхсвер³ изначально был слабее Войска Польского. И это было большой головной болью немецкого генералитета.

Таким образом, Польша в 1920–1930-е годы являлась главным противником Германии. Причем по оценкам европейских аналитиков, которые, впрочем, постоянно демонстрировали свою некомпетентность. Ведь самой сильной армией в Европе считалась отнюдь не немецкая и не советская, а французская. Войско Польское находилось на втором месте.

Почему же война в Польше закончилась всего за 17 дней? К. А. Залесский считает, что у Польши катастрофически не хватало средств (прежде всего финансовых), чтобы поднять свою армию в 1939 году на современный уровень: «Фактически Войско Польское осталось в том самом 1921 году, когда Польша воевала с Советской Россией. У поляков были моторизованные соединения, они честно их развивали, но сил на создание механизированной армии у них просто не хватило. У них были прекрасные кавалерийские части, но условия в новой войне серьезно изменились».

Да, это была уже другая война. Несмотря на то что по-прежнему повсеместно использовалась гужевая тяга, да и вообще лошади были двигателем войны, она становилась моторизованной, механизированной. Так, на вооружении у немцев было 3500 танков.

³ Вооруженные силы Германии в 1919–1935 годах.

Польское же военное командование допустило ряд очень серьезных стратегических ошибок, поставив своей целью переход в наступление наряду с удержанием фронта до подключения к военным действиям Франции.

Получалось, что в любом случае речь шла о европейской, а значит, уже и мировой войне. Если военные действия начинает Германия, если в них вовлекается Франция, соответственно, следом в них вступит и Великобритания. Это мировая война.

Но польская военная концепция абсолютно не предусматривала перерастание кампании в мировую войну. Она предполагала отражение противника и переход в контрнаступление либо удержание рубежа и нанесение удара по тылу германских войск объединенной англо-французской армией. После чего Германия перебросила бы часть сил с польского фронта – и Польша, получив перевес, смогла бы перейти в наступление вплоть до Берлина.

Однако этот красивый и хорошо продуманный план не сработал, поскольку англо-французские войска так и не пересекли границу.

Интересно, что и тогда, и сегодня, в ХХІ веке, никаких претензий Лондону со стороны Польши не предъявляется. Хотя именно из-за бездействия Англии и Франции польская кампания была триумфально выиграна Германией.

Гитлер, вдохновившись успехами вермахта, приказал перебросить все войска на запад и идти на Париж. И в этой связи историк К. А. Залесский предлагает обратить внимание на один интересный факт. Вопреки распространенному мнению о том, что эта победа досталась немцам достаточно легко и потери, по официальным данным, были невелики, в соответствии с докладом генерального штаба за эти несколько недель войны германская армия израсходовала две трети боеприпасов, а из строя вышло и требовало ремонта до 60 % техники. Такова была реальная цена победы.

Интересно, что было бы, если бы в этот момент ударили французы? Что оставалось у Германии для ответа? 40 % военной техники и одна треть боеприпасов. Иными словами, германская армия, несмотря на блестящую победу в Польше, оказалась после нее практически безоружной.

Вообще германский генеральный штаб основывался на том, что широкомасштабных военных действий на Западном фронте не будет. Впрочем, были и те, кто считал, что англо-французы немедленно ударят с Запада – и тогда германская армия потерпит крах. В их числе был и генерал Людвиг Бек, который в своих меморандумах неизменно указывал, что в сложившейся ситуации война невозможна.

Однако удара со стороны Англии и Франции так и не последовало.

Глава 2. Предвоенные планы СССР

В ряде государств бытует мнение, что в результате присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и стран Балтии границы СССР стали более доступными для Гитлера и, соответственно, обороноспособность страны значительно снизилась. Так ли это? Давайте разберемся.

Конечно, с одной стороны, перемещение границ в 1939 году не могло не сыграть свою роль. Ведь менее чем за два года – к моменту нападения фашистской Германии – подготовить надлежащим образом столь протяженный участок границы было вряд ли возможно. Хотя на строительство укрепленных районов на новой границе направлялись значительные средства. С другой стороны, вторжение немцев через советско-польскую границу в том виде, в каком она была до сентября 1939 года, имело бы куда более фатальные последствия. Фашисты заняли бы Минск не 29 июня, а гораздо раньше – всего через несколько часов. Но поскольку граница отодвинулась, на прохождение этой территории захватчикам потребовалось время. Кроме того, фашистов сдерживали героически сражавшиеся пограничники. Вопреки навязываемому сегодня мнению о тотальном отступлении советских войск в этих местах шли ожесточенные бои.

Таким образом, присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики накануне войны явно свидетельствует о геополитических планах И. В. Сталина, который стремился заново выйти к Балтийскому морю. Как считает доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН В. А. Невежин, в 1939 году Сталин думал об оборонительной значимости новых границ.

Подписанный на 10 лет Договор о ненападении, а также тот факт, что Германии будет сложно воевать на два фронта против Союза и Англии с Францией (как это показала Первая мировая), давали Сталину основания верить, что Гитлер все-таки не нападет. Хотя любое соглашение с противником для фюрера ничего не значило: это продемонстрировал и «мюнхенский сговор», и договор с Польшей. Однако СССР мог рассчитывать по крайней мере на то, что немцы вначале разберутся с Великобританией. А после этого произойдет то, что европейская печать впоследствии назовет столкновением миров.

Пока мы не можем знать всего, в частности потому, что многие материалы британских архивов по-прежнему засекречены. Но как считает В. А. Невежин, не исключался и вариант, что между Англией и Германией будет достигнут какой-то консенсус невоенным путем. Сегодня на тот же полет Гесса в мае 1941 года в Англию существуют различные точки зрения. В том числе такая, что он рассматривался как способ достижения мирного соглашения между Великобританией и Германией. И это создавало бы двойную опасность для СССР.

Поэтому постепенно мощь Красной армии наращивалась. С начала 1941 года активно формировались новые воинские подразделения, а после подписания договора с Японией в апреле 1941 года началась переброска частей на Запад.

И в связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о том, когда же в СССР окончательно перешли рубеж и перестали педалировать тему дружбы с Германией. Здесь, несомненно, важен такой аспект, как пропаганда. Ведь недаром говорят, что войну выигрывает не только винтовка, но еще и перо. В последнее время нередко звучат мнения, что Сталин был довольно наивным человеком и вся пропаганда Советского Союза начиная с 1939 года диаметрально поменялась. Раньше, дескать, все было понятно: гитлеровская Германия – враг номер один. Потом, в 1939 году, был подписан пакт Молотова – Риббентропа, и вдруг вектор пропаганды стал разворачиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.